

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

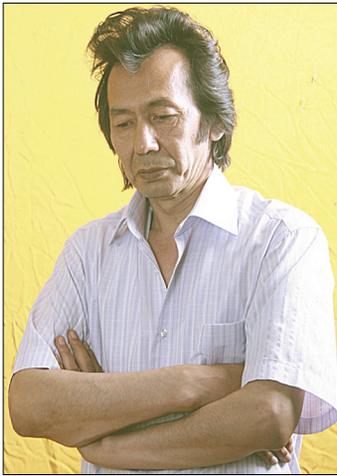

РОМАН №22 ГАЗЕТА

Рахимжан Отарбаев / *Амазонки нашего аула*

90
лет

ОТАРБАЕВ Рахимжан

родился в 1956 году в Курмангазинском районе Атырауской области Казахстана. Окончил Уральский пединститут имени Пушкина.

Творческую работу начал в редакции газеты «Казак эдебиети», заведовал отделом в журнале «Жалын», был атташе в посольстве Республики Казахстан, председателем Мангистауской телерадиокомпании, директором драмтеатра, заведовал сектором администрации Президента Республики Казахстан.

В 2009 году назначен Генеральным директором Национальной академической библиотеки.

Р. Отарбаев — известный писатель и драматург, член правления Союза писателей РК и казахского Пен-клуба. Лауреат Премии им. Махамбета, Международной премии им. Чингиза Айтматова. Академик, Заслуженный деятель культуры Республики Казахстан. Его произведения переведены на русский, киргизский, турецкий, арабский, английский языки.

Живет в Астане.

Из очерка Георгия Пряхина «И смех, и слёзы, и любовь»

С Рахимжаном Отарбаевым я долгое время был знаком только по телефону. Время от времени он звонил мне из Астаны, и я слышал негромкий, с хрипотцой, голос человека, старающегося безукоризненно подбирать и произносить русские слова и потому выдающего их как начальные, вразрядку, капли степного летнего дождя. И про себя думал: ну, вот уже и казахи *стараются* — былая всеобщая русская скороговорка постепенно сходит с былых имперских территорий.

А что остаётся? В данном случае, уверяю вас, потерь нет. Ведь есть вещи и поважней артикуляции. Русская культура, наша общая, под одним не очень ласковым небом сконденсированная живительная влага проникла, пропиталась, в данном случае до самых корней, соединившись с другой древней, феерической духовной субстанцией — Отарбаев пишет на подчёркнуто казахском, но смех сквозь слёзы в нём так узнаваем.

...На примере Рахимжана Отарбаева можно судить, что нарождается сегодня в серьёзной казахской литературе — не пустоцветы.

Чем отличается мудрый человек от умных? Много дефиниций есть на этот счет. У каждого своя — и у меня тоже. Я считаю, что умные часто посмеиваются над *другими*, а мудрый — над собой. Даже в тех отарбаевских рассказах, где автор, рассказчик формально не присутствует, его улыбка, в меру озорная и в ещё большей мере печальная, всё равно витает над этой незримой, отсутствующей фигурой. У каждого из нас свой нимб, а у кого какой — это уж кому как повезёт, кто у какой раздачи достоялся.

Мне этот автор интересен ещё и тем, что в чём-то повторяет и мою собственную молодость: до недавнего времени трудился в серьёзных властных структурах Казахстана. В какой-то степени это в традициях и русской, и казахской литературы: и Фёдор Достоевский, и его

юный друг, казах Чокан Валиханов, ходили в шинелях, правда, разной выделки. Шинелью, только более нежной фактуры, был и дипломатический фрак отарбаевского коллеги Фёдора Тютчева. На одни должности нас назначают живые люди, на другие — Судьба. И мне кажется, что в случае с писателем Рахимжаном Отарбаевым она, Судьба, не ошиблась.

...С помощью этого человека, даже посредством этого человека — не только через его творчество — узнаю тот Казахстан, который либо был для меня когда-то сокрыт, либо народился в новейшие уже времена.

...Отарбаев же и открывает нам мифологический и даже мистический Казахстан.

Его рассказы и повести действительно пронизаны, как неким дальним, мерцающим отсветом, преданиями и верованиями своего народа.

В большинстве своём современные и даже остросовременные по сюжету, они приобретают феноменальную особенность. Их корешки сокрыты. Они не висят в воздухе. Они — не гидропонного происхождения. Уходят куда-то вглубь, и это придаёт лучшим вещам Отарбаева стереоскопичность, дополнительный объём и ту многозначность, без которой не бывает подлинного искусства. Они не просто неоднородны — они и сами мерцают, как будто бы со дна.

...Его герои смеются и плачут. А как замечательно причитают эти его зачастую совсем не литературные герои! Да, плачут, правда, тоже чаще, чем смеются.

А смех сквозь слёзы, до слёз на ресницах, как и любовь до слёз это и есть литература. Особенно сегодняшняя. Особенно настоящая.

КОРОТАЯ ПУТЬ

Пора сенокоса и оперения пока ещё желторотых птенцов. Краснокрылый жирный кузнечик, подпрыгнув аж на расстояние шага, плюхнулся в траву и притих. Одинокое, словно беличий хвостик, облачко, подгоняемое ласковым ветерком, блуждало по утреннему небу, а когда солнце поднялось в зенит, убежало на край горизонта. Несмотря на то, что наступил август, раскаленная июльская сковорода лета еще дышит жаром.

Тень Мынжылкы, стоявшего в ожидании попутки на просёлочной дороге, укоротилась настолько, что спряталась под его ногами. Принарядившись как жених, он вышел из дома поздним утром. Солнце припекло виски, во рту появился привкус кислоты. Смуглое лицо его припухло. Попутного транспорта, мчащегося наперегонки с пылью, сколько он ни тянул шею, не было.

«Если на то пошло, дойти, что ли, пешком? За два часа?» — расстроено подумал он, глядя на свои ботинки. Районный центр, до которого можно, как говорится, подать рукой, расплывался, словно слабый мираж, убегая от взора. Дорогу, понукая гнедого, запряженного в арбу, нагруженную свежескошенным сеном, пересекал старец Зайырлы. Жалобный скрип колёс, соскучившихся по смазке, его ничуть не беспокоил. Нахлобучив на глаза черный колпак, дедок беззаботно дремал.

«К зиме готовится, хотя место его уже давно у тёплого домашнего очага», — подумал незадачливый Мынжылкы, провожая глазами арбу, поднявшую за собой не машинную, легкую пыль. Хотел было громко поздороваться, но передумал. От неожиданности тощий старикан мог грохнуться с воза.

Зазевался и не заметил, как двое пешеходов, обгоняя друг друга, уже приближались к нему на расстояние метания камня. Присмотревшись к этой спешащей паре, Мынжылкы слегка вздрогнул. Вроде бы не багряный закат, чтобы появлялись ведьмы, но тогда кто же эта странная женщина, будто только свалившаяся с Луны?! Над ней, целым куполом юрты, возвышался огромный зонт. Ступала решительно, поддевая коленями длинное и пёстрое, в красных и зеленых цветочках платье. Несмотря на то, что шагала на шпильках уверенно, лодыжки её ног были выдвинуты, как у беговых лошадей, слегка наружу.

— Деверёк, привет! — поздоровалась, приближаясь. Голос был неприятно пронзителен, как высокие звуки у деки свирели.

— Хорошо стоишь — как вкопанный кол!

Когда отклонила назад свой огромный зонт, он отметил её разрумяненную, тонкую кожу лица, и еще объемные, словно сундук, ягодицы. Глаза её, будто огниво, высекали искры. То вспыхнут, то погаснут каким-то магическим светом. От неожиданности, не найдя, что сказать, он только кивнул в ответ головой.

— Эй, дед! — просвистел звук свирели, не давая прийти в себя. — Кто не ещё сдох, тому — дохлую рыбу, как говорят. Шагай быстрее!

Старик, похожий на сухую корягу, расторопно остановился рядом с ними. Коротко поздоровались.

— Счастливого пути, сынок! — сказал старик, надувая от одышки щёки и тряся пучком бородки, прилипшей к его подбородку, как пугливый воробей.

— Вот собрался в Ганюшкино...

— Идём, и никак не можем дойти! Чтоб ему пусто было, — процедила молодка, глядя в сторону районного центра, который, казалось, плавая в мираже, переключал ещё дальше. — Ни одной машины, да чтоб колеса их оказались на их крыше.

— Да, Алла, хорошо, что ты это знаешь... — сказал утомлённый старик.

— Он слышит только, когда ему шепчешь, — подсказала женщина, покрутив зонтиком.

— От громкого голоса в ушах звенит, — промолвил дед, приходя в себя. — Скоротаем этот путь вместе, сынок? — Он потыкал палкой землю.

Из дома, стоящего на краю аула, появилась с чайником в руке Нагима, раскинув веером подол платья, присела по малой нужде и высматривает прохожих из-за редких цветов белой колючки. Эта взбалмошная девка однажды, когда пожилой сосед совершал утренний намаз, так напугала своим: «Здравствуйте, дядя!» — что тот так и упал ничком от неожиданности. Она и на этот раз не сдержалась, выкрикнула из-за кустов:

— Ну, прям цыгане, что ли? Не могут они сидеть на одном месте!

Наспех вскочила, схватив одной рукой чайник, а второй придерживая скрученный пояс шаровар со шнурком, и забежала за сарай для скота.

По-видимому, увлекшись видом этих двух разных существ, каблукки Мынжылкы начали сами приподниматься.

— Пойдёмте, аксакал!

Зонтик-шатёр, раскачиваясь, поплыл вперёд.

— Беседа сокращает путь, говорят.

— Да, в этом ты прав, дитя моё, — сказал старик и поправил на голове узорчатую, стертую по краям тюбетейку. — Рассказать есть о чем, только с какого конца начинать?

— Сами знаете.

— Начну тогда с ближнего, — сказал он, повысив голос. — Не думал брать новую старуху...

Шатёр всколыхнулся.

— Какая я тебе старуха?! Молодая женщина! Многие мои ровесницы до сих пор сидят девками на выданье.

— Единственный сын у меня. В детстве щечки были пухленькие. Был султаном среди джигитов. Что делать?! Взял в жены городскую, не подчинилась она и забрала его с собой. Теперь ни слуху ни духу.

Опираясь на палку, старается идти быстрее.

— После смерти матери и дочь долго не засиделась. Ухватилась за первого встречного. Зять оказал-

ся бездельником и пьяницей. До обеда в себе, а после обеда — всё. Как только выпьет горькой водички, так никому не дает покоя. «Возьму к себе. Буду уважать как отца. Только отдай дом», — твердит и твердит мне. Его замыслы мне понятны. Но я этим посулам не поддаюсь. А дочь... Нарожала детей, словно высыпав из подола, осталась с мужем. Стало быть, в доме из восьми комнат коротаю век один... И не предполагал жениться, — продолжал старик, раскачивая при ходьбе единственную медаль на сером пиджаке. — Но этой весной, когда прилетели птицы, поехал в сторону Бозана, к родственникам в гости. Наверное, так было суждено: познакомились за дастарханом, она там тоже была одна.

— Скажите лучше: повезло с добычей.

Пугливый воробушек на подбородке старика запорхал и успокоился.

— Да, лежал на почетном месте. Из одного крафика течёт холодная вода, из другого — кипяток. Какая благодать!

— Ну, завел старое... Согласна — твоя заслуга! — Высокий звук свирели постепенно пошел на убыль.

— Да, Алла, хорошо, что ты это знаешь!

Мынжылкы, не понимая, какая же связь существует между Аллахом и этой женщиной, стал, кажется, догадываться, в чем тайна этого изменчивого голоса.

Вдоль и поперек проселочной дороги, стрекоча и расстилая свои крылья по земле, бегала одинокая сорока, но, потом, так и не дождавшись, видимо, напарника, быстро улетела прочь.

Только пройдя половину пути, когда солнце ушло с верхней точки, женщина, обернувшись назад, предложила:

— Иди сюда, деверь, под тень моего зонта.

Мынжылкы посмотрел на старика: лицо его по-прежнему было румяным, но ноги уже стали заплетаться. Да разве можно поспеть за рысью еще сравнительно молодой женщины?! Ноздри старого сузились, и ему как будто не хватало воздуха.

— Иди, иди! Волосы длинные, а мысли короткие. Эх, без башни нынешняя молодёжь...

Найдя пристанище под зонтом, как под куполом, заметил, что возраст её был неразличим. Лицо было нежным и тонким, но толстые, упругие ноги и ягодницы, от каждого шага на шпильках, утопающих в земле, вздрагивают, как круп капризной лошади.

— В Ганюшкино дома стоят дорого? — В глазах женщины играют искорки. Притягивая собеседника: то возгораются, то гаснут.

— Наверное...

— Э, да ты, деверь, один из тех несмышленьшей...

— Наверное...

— Я это заметила по тому, как ты сразу нашел общий язык с этим старым быком, вместо того чтобы встать со мной рядом.

— Да, Алла, хорошо, что это знаешь! — послышалось сзади.

— Этот дед говорит, что у него есть дом под голубой крышей? Коли выгодно продадим, то... Вернемся.

— Дед радуется, что нашёл себе молодую спутницу жизни...

— Что, считаешь лишней прохладную тень над твоей головой? Не думай, что, не найдя себе мужа, я останусь в одиночестве.

Круп резвой лошадки снова пробрала дрожь.

— Расскажите что-нибудь интересное из своей жизни... Что-то незабываемое, что осталось в памяти, тётушка, — попросил Мынжылкы, явно уходя от темы.

— Осталось ли что-либо важное в моей памяти? Всё рассеялось, как видения в предутреннем сне. Смеялись, звеня колокольчиками. Грустила и тосковала... И вдруг глянула: жизнь-то, вот она, вот. Видишь? — Между указательным и средним пальцем высунулся красный ноготь. — Счастье, говорите?.. Беда... Просто слова...

— По-оф! Пу-ух! — сделал губами джигит, выпущая громко воздух, словно вспучившийся верблюд, объевшийся сухого камыша.

— Ладно. Плакала однажды, разрывая сердце. Только один раз. Послушай про это, деверь, — сказала женщина, переводя дыхание.

— Я весь внимание.

— Было это в пору моей юности. Я ведь росла, как трава на обочине дороги. Покойный отец, поехав на базар в Астрахань, привёз голубой отрез на платье. Он нужен был мне позарез: в то время мода была на такой материал...

— Потом?..

— Не нашлось хорошего портного... На краешке ткани красной нитью старательно вышила имя: «Алиман».

— Потом?

— Что ты заладил «потом» да «потом»? Приехала наша сватья в гости, мать моя взяла да и отдала драгоценный отрез мой ей в качестве подарка.

— Тогда и разрыдалась?

— Нет. Не тогда, а когда через несколько лет этот отрез снова ко мне вернулся.

— Надо же!

— Вот именно. Однажды, с какой-то целью, была в Южном Казахстане. Один из знакомых всучил мне отрез, чтобы сшила я себе платье. Развернула я ткань за оба конца, придерживая в середине зубами, а на краешке — уже выцветшая надпись: «Алиман». Вот тут-то я и разревелась... Отрез, кочуя по рукам, полинял и давно уж вышел из моды... Возможно, как и я сама.

Дома райцентра, плывшие на горизонте, наконец-то твёрдо опустились на землю. Как на плацу, ровными рядами выстроились зелёные деревья.

На проезжую часть выскочила худая чёрная сучка. Рисившая за ней цепочка огрызавшихся кавалеров никак, видимо, не могла поделить её между собой.

— Вот невежды... Ни малейшего понятия о субординации.

Глаза женщины, цепляя за душу, то зажигаются, то гаснут. Обрывающийся слабый голос позади то слышен им, то не нет.

— Да, Алла, хорошо, что ты это знаешь!

Пора сенокоса и оперения желторотых птенцов. Лишь постоянно таинство вечно кочующих степных миражей...

2005 г.